

УДК 821.161.1(437)Ляц7Тун.09

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КВИНТЭССЕНЦИЯ ПРАЖСКОГО ЭМИГРАНТСКОГО ОПЫТА В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ЛЯЦКОГО „ТУНДРА”

Иво Поспишил

ivo.pospisil@phil.muni.cz

Доктор, профессор

Завідувач Інституту славістики

Філософський факультет, Університет імені Масарика

Arna Nováka 1, 602 00, Brno, Czech Republic

Анотація. Розглядається один із перших зразків опису трагічного укладу життя емігрантського середовища у Празі післяреволюційних років „Тундра. Роман з біженської життя” (1925). Автор, Євген Ляцький (1868–1942), був письменником білоруського походження, філологом, знавцем східнослов'янських мов, однією з ключових фігур російської празької еміграції. Відомий ще в дореволюційній Росії своєю різноманітною науково-просвітницької та видавничою діяльністю – як видавець журналу „Вогні”, дослідник творчості І. О. Гончарова, а також епістолярної спадщини окремих письменників-різочинців. Є. Ляцький брав активну участь у житті празької російської еміграції, писав поезію і прозу, укладав літературні антології, був автором і співавтором підручників російської мови на широкій базі. Показано, що роман за своєю структурою і поетикою пов'язаний із класичною традицією російської прози другої половини XIX століття, проте наявні й напрацювання поетики російського модернізму (гетерогенність тексту, ускладненість сюжету, впровадження публіцистики в романну тканину, агресивне збагачення словника). На рівні художньої мови традиція функціонально збагачена новими лексичними пластами. Зроблено висновок, що „Тундра” є своєрідним трагедійним романом про кінець старої Росії.

Ключові слова: Євген Ляцький, празька еміграція, класичне письмо, модернізм, ностальгія, „Тундра”.

В вопросе специфики русской литературной эмиграции в межвоенной Чехословакии следует говорить не о русской, а скорее о восточнославянской эмиграции, среди которой, кроме русских, были и украинцы и белорусы, хотя они, прежде всего, выражались

и/или преимущественно по-русски. В чехословацкой среде, в особенности пражской, переплетающейся с брненской, это касалось, например, Евгения Ляцкого, Альфреда Бема, Романа Якобсона, Сергия Вилинского, Марины Цветаевой, Аркадия Аверченко, Евгена Маланюка, Ларысы Гениуш и др. Подробное и тщательное изучение явления, некогда названного автором статьи (в частности, в связи с пражским и брнским опытом Романа Якобсона) „резкостью и чувствительностью” (см. наши статьи: [26; 25; 12]), в данном случае предлагается на примере Евгения Александровича Ляцкого (1868–1942), одной из ключевых фигур русской пражской эмиграции. В начале 1921 г. он был приглашен на философский факультет Карлова университета в качестве первого профессора русского языка и литературы (до этого речь шла об общей славистике). На эту должность в мае 1922 г. его назначил президент Чехословакии Т. Г. Масарик. Должность ординарного профессора Ляцкий получил в 1927 г.; после закрытия чешских вузов немецкими нацистами его перевели на пенсию.

Как известно, Евгений Ляцкий родился в Минске, где учился в средней школе, по окончании поступил на историко-философский факультет Московского университета, который окончил в 1893 г.; позже трудился в Санкт-Петербурге, сотрудничал в журналах „Русское богатство” и „Вестник Европы”, содействовал подготовке издания писем Екатерины II. В начале XX века издавал журнал „Огни”, а также опубликовал корреспонденцию В. Г. Белинского. Помимо этого, занимался творчеством и перепиской Н. Г. Чернышевского (в особенности изданием его корреспонденции периода ссылки) и, главным образом, комплексно – творчеством И. А. Гончарова. Это, однако, вовсе не значит, что он изучал только двух или трех русских классиков; известны его статьи о Пушкине, Толстом, а далее – целостные произведения синтетического характера, т. е. учебники по русской средневековой литературе, литературе XVIII века и „золотого века”. Особенно акцентируем исследование творчества Ивана Гончарова и отдельных приемов русской классики (Лев Толстой) – преимущественно по отношению к изобразительным средствам (ему были близки живопись и применение ее техники в словесном творчестве). Необходимо подчеркнуть, что у Ляцкого, как у белоруса и знатока восточнославянских языков, образовалась сравнительно широкая языковая база, шире, чем у других русских писателей, особое языковое и стилистическое чутье, использующее целостный,

контекстуальный горизонт общеславянского языкового сознания в диахронном и синхронном измерении. Знание языка и русской классики сказались и на его собственном художественном творчестве. Он представляет собой литературоведа, который стал писать и художественную литературу, которая, таким образом, тесно связана с его научными интересами и предпочтениями (см.: [11; 23; 13]).

В общем, Е. Ляцкий принимал активное участие в жизни пражской русской эмиграции, писал поэзию и прозу, составлял литературные антологии, стал автором и соавтором учебников русского языка на широкой базе – как сказали бы сейчас, лингвострановедения [8; 17] (второй том о русской литературе XVIII века не успели опубликовать; более подробно см.: [11]).

В 1925 г. пражское русское издательство „Пламя”, руководимое именно Ляцким, издает его монографию об И. А. Гончарове, текст, корни которого – в предыдущих изданиях [7; 2; 1]. В романе Ивана Гончарова Ляцкий ищет некоторые доминантные черты поэтики русского романа, а именно: мастерство физиологического очерка, литературного портрета, формальную дисциплину его неоклассицизма, уравновешенность изложения действия, контрастное конструирование персонажей, иронию и юмор, релятивность ценностей, разговоры с читателем, т. е. легкую метатекстуальность, глубинную анатомию и физиологию связей среды и характеров, обыкновенную сексуальную сдержанность русской классики, нарративные дигрессии, особым образом построенные цепи художественных деталей, переходящие в символические образы, иронический комментарий, дистанцию и независимый взгляд. Таким образом, Ляцкий приходит и к специфике эволюционной траектории русской литературы в целом, которую мы назвали „пре-пост эффект/парадокс” (см. об этом наши статьи и книги: [20; 18; 19; 22; 24; 27]). Как будто символически Ляцкий приводит все эти черты в сконцентрированном виде в раннем рассказе И. Гончарова „Счастливая ошибка”, который публикует в качестве приложения, с разрешения держателя издательских прав (В. А. Майков), в стокгольмском издании своей гончаровской монографии. Разумеется, шедевр о Гончарове – не единственное литературоведческое произведение Ляцкого такого глубинного и, в то же время, комплексного типа. Более целостный, синтетический характер носят, прежде всего, его вышеупомянутые обзоры русской литературы Средневековья и XVIII века и польское издание с избранной им русской литературой [15]. Оно имеет

особое значение, ибо очутилось в издательском проекте „Słowianie” польского слависта Мариана Шийковского (Marjan Szykowski), тоже работающего в Праге, и сам издатель серии подчеркивает во введении давнюю близость польской и русской литератур [28; 29]. Наверное, деликатна в этом отношении именно польская связь с белорусским происхождением автора, в особенности с Минском и его традициями. Е. Ляцкий никогда полностью не забывал свои корни: они же были связаны с его ранними научными работами [5]. Кроме изданий корреспонденции значительное место в его литературоведческом творчестве занимают статьи об Александре Пушкине и Льве Толстом. В статье о Пушкине (отдельный оттиск из Пушкинского сборника; все названия и цитаты из произведений Е. Ляцкого печатались тогда в дореволюционной орфографии) [6] Е. Ляцкий анализирует, главным образом, генезис произведения как особую задачу и систему описаний и образов в связи с тонкостями коммуникации отдельных лиц, в частности самого Пугачева, включая иронию, сарказм, иносказание и притчу. Показывает он, между прочим, и текстуальные связи „Капитанской дочери” и „Истории пугачевского бунта” в соотношении с реакцией автора на цензуру. Тем не менее, Ляцкий, по нашему мнению, правильно настаивает на убеждении, что Пушкин искал решения насущных проблем общества скорее в царе, чем в народных массах, у которых он опасался массового психоза и безграничного насилия. В статье о приемах изобразительности в романе „Воскресение” он пишет о структуре сюжета и образности автора в обширных комментариях:

„...в изобразительных средствах этого романа показывается много нового: здесь писатель с такой полнотой проявил и свой личный, чисто человеческий темперамент; прежняя объективность и эпическое спокойствие рассказа должны были выдержать серьезное испытание перед лицом гневного и нервного моралиста <...> Роман был рассчитан на двойное действие: он должен был одновременно поразить мысль и возмутить нравственное чувство. Средства художественной изобразительности и логической очевидности то соприкасались в развитии сюжета, то расходились, но там, где они тесно сближались, сливаясь в общем стремлении, рождался сложный импрессионизм неотразимой логики, проверенный чувством <...> Весь роман построен на контрасте, который проведен строго и последовательно. Связующим элементом является мысль об извращенном понимании людьми, т. н. образованного и государственно мыслящего класса, сущности преступления и возмездия” [3, с. 120–121] (отдельный оттиск из Сборника Русского Института в Праге).

И в обзорах-учебниках, посвященных русской литературе и, зачастую, языку, исследуется связь личностного начала и технологии художественных приемов, что, наверное, привело Ляцкого к их применению в собственном творчестве, а именно в сфере конструирования сюжета, в поисках равновесия литературного портрета, описания среды, характера и действия. Он указывает на это именно в произведениях русских классиков второй половины 19 века [14] (знаменательно именно то, что настоящая книга была издана в возобновленной серии В. Матхезиуса (1882–1945) и Я. Б. Козака (1888–1974) – англиста, основоположника, наряду с Р. Яacobсоном, Пражского лингвистического кружка и чешского философа сложной идейной судьбы, который в своем творчестве прошёл несколько методологических этапов, включая и гуссерлевскую феноменологию). Слегка архаизированный язык, не избегающий церковнославянизмов, придает пластичность, которая свидетельствует и о том, что мы упомянули выше как более широкую языковую базу, данную опытом в связи с несколькими славянскими языковыми средами.

Тип „романа с идеологической беседой”, который в разных вариантах доминирует в русской литературной классике у Гончарова, Тургенева и Достоевского (разумеется, проблематика идеологических бесед различна), реализуется у Ляцкого в его „романе из беженской жизни” „Тундра” [9] (далее: „Тундра”. – *И. П.*), главным образом, в идеологических диалогах, связанных с трудной жизнью пражских русских эмигрантов. В издательстве „Пламя” в Праге, где роман появился на свет, выходили разные произведения русских беженцев, в том числе очерки К. Д. Бальмонта „Где мой дом” (см.: [10]), его же стихи „Мое – Ей”, прозы Д. С. Мережковского „Тайна трех”, „Рождение богов. Тутанкамон на Крите”, рассказы А. М. Ремизова „Зга”, „Из писем прапорщика артиллериста” Ф. Степуна, рассказы „Вечерний день” Н. Теффи, сказка „Молодец” Марины Цветаевой или рассказы И. С. Шмелева „Неупиваемая чаша”.

В романе имеет место конструирование упомянутого равновесия образности, в том числе иносказания, притчи и символа, портретного искусства и описательных разделов, связанных, преимущественно, с Прагой. Образная структура романа опирается на идеологические беседы, но интенсивность описательности ослаблена оттенками, намеками, выражающими фрагменты авантюрного сюжета, связанного с терроризмом и с

насильственными действиями, запланированными одним из отрицательных персонажей – Азбелевым. Связь между искусством романа Ляцкого и восприятием русского классического романа, который он наиболее наглядно проанализировал на примере И. Гончарова, очевидна, в том числе заметны и приемы в „Воскресении” Л. Толстого, т. е. субъективизация авторского подхода и постепенное расставание с объективизмом старого реализма под давлением новых модернистских течений, с которыми граф полемизирует, но которые видны в структуре его прозы. „Тундра” Е. Ляцкого выдвигает именно те черты русского классического романа второй половины XIX века, которые Ляцкий-литературовед подчеркивает в своих анализах и синтезах.

Суть его искусства видна еще в начале романа, в сценах эмигрантского вечера: „Вечер у Клеопатры Ивановны Неведомской удался на славу. Если бы не спиртовка на умывальнике, без конца гревшая воду, да не странная смесь в жалкой обстановке, имевшая вид запасной комнаты, куда ставят случайно купленные вещи, можно было бы подумать, что дело происходит в каком-нибудь западном захолустье дореволюционной России. Потолок, несмотря на полуоткрытое окно, туманился клубами едкого дыма, на блюдах, на скатерти, на полу валялись груды окурков. На большом черном облупленном подносе замер последний бутерброт с колбасой. <...> Говорили степенно, солидно; иные, слушая себя и охорашиваясь, словно плавая на приятной мягкости своего красноречия; иные бросали слова отрывисто и резко” [9, с. 11–12].

В центре внимания, как и в романах русской классики, которые Ляцкий так любит трактовать, – разные политические споры, в особенности столкновения отдельных наций и грустной судьбы русской эмигрантской интеллигенции. Постепенно из разных рассуждений и размышлений, дискуссий и споров, формируется „тундра“ как символ хаотичного, непроходимого пространства, безысходности и безнадежности эмигрантской жизни. Надежды на быструю смену большевистского режима не оправдались, и остается лишь террор или выживание на иждивении господ за пределами России. Как и русские за границей (сравнительно частый мотив именно тургеневских романов), космополиты, свободно говорящие на нескольких языках, пражские эмигранты Ляцкого стараются приспособиться к новой среде. Наиболее выразительны, следовательно, образы Праги после Великой войны, сравнения русского и чешского менталитетов,

планы на будущее. Ляцкий и здесь подтверждает общеизвестный факт, что русские, хотя сравнительно часто и выражают свое восхищение, даже любовь к чехам, Чехии или, точнее, к чешской среде, культуре, нации, прошлому, на самом деле пренебрежительно относятся к малости чешской нации, к непонятности и странностям языка, к темному прошлому и неизвестным традициям, тяготея скорее к большим народам Европы, к немцам, англичанам и французам, к их культуре. Так называемое „славянство”, о котором эмигранты любят говорить, – лишь сентиментальный символ, скорее ретуширующий настоящие взгляды на „маленьких братушек”; по крайней мере, речь идет о явной амбивалентности подхода к новой среде, ее культуре и привычкам. „Тундра непролазная” [9, с. 54] сказывается и в мелочных речах, в клевете, в сплетнях, в интригах, в утопических, зачастую туманных планах, эгоизме и спорах, которые с русской почвы перенесли на новую родину. Дискуссии, заполняющие десятки страниц романа, содержат огромную гамму политических и идеологических концепций русской эмиграции – от монархизма к евразиятам и сменовеховцам, либералам или умеренным левым. В разговорах проявляется и грубость, агрессия, сексуальные намеки.

Главным героем, авторским альтер эго, является Вяльцев, интеллектуал, для которого Прага – лишь остановка на пути в другие страны, к другим целям. Хотя чешская среда – в том числе и благодаря заслуге президента Масарика – поддерживала русских эмигрантов, по их же собственным словам, они, выражая своего рода благодарность, тем не менее критически относятся к студенческим общежитиям, в которых им порой приходится жить („казармы”), будто бы такая поддержка – сам собой разумеющийся долг чешской нации по отношению к великому русскому народу и к его миссии. С другой стороны, именно Вяльцев ищет причины российской катастрофы, находя их в поведении правящих классов, которых даже эмиграция ничему не научила. Годы эмиграции считаются ими лишь особой подготовкой к будущему руководству страной (в этом и заключались калькуляции чехословацкого правительства), что – увы! – оказалась большой иллюзией.

Хотя роман по своей структуре и поэтике связан с учителями Ляцкого, т. е. с русскими классиками второй половины XIX века, автор не мог обойти поэтику русского модернизма, в особенности гетерогенность текста, сравнительно сложное строение сюжета, внедрение публицистики в романную ткань, агрессивное

обогащение словаря. Язык (а именно его архаизированные слои) символически тяготеет к старине, к прошлому, к ностальгии по бывшей России; новые же лексические пласты связаны с надеждой на всемирное единение и на новое место новой России, хотя там наблюдается и оттенок разочарования и отчаяния, отражающий утрату надежд на жизнь в России и горькое приспособление к новым родинам, новой среде. В данном смысле это своеобразный трагедийный роман конца одной эпохи российского развития и старой России вообще. Недаром большинство сцен романа, как и у Достоевского, происходит в тени, полумраке, сумерках. Постепенные сумерки символизируют и грядущие, роковые события XX века.

1. *Ляцкий Е. А.* Гончаров. Жизнь, личность, творчество : Критико-биографические очерки / Е. А. Ляцкий. – 3-е изд., с прил. повести И. А. Гончарова „Счастливая ошибка”. – Стокгольм : Северные огни, 1920. – 377 с.
2. *Ляцкий Е. А.* Гончаров. Жизнь, личность, творчество : Критико-биографические очерки / Е. А. Ляцкий. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Огни, 1912. – 324 с.
3. *Ляцкий Е. А.* Два мира в приемах изобразительности Л. Н. Толстого / Е. А. Ляцкий // Сборник Русского института в Праге. – Прага : Типография Политика, 1929. – Т. 1. – С. 119–144.
4. *Ляцкий Е. А.* Иван Александрович Гончаров : Критические очерки / Е. А. Ляцкий. – СПб. : Литература и наука, 1904. – 269 с.
5. *Ляцкий Е. А.* Материалы для изучения творчества и быта белоруссов. Т. I. Пословицы, поговорки, загадки / Е. А. Ляцкий. – М. : Университетская типография, 1898. – 63 с.
6. *Ляцкий Е. А.* Пушкин-повествователь в Истории пугачевского бунта / Е. А. Ляцкий // Пушкинский сборник. – Прага : Типография Политика, 1929. – С. 265–296.
7. *Ляцкий Е. А.* Роман и жизнь : Развитие творческой личности И. А. Гончарова : Жизнь и быт : [1812–1857] / Е. А. Ляцкий. – Прага : Пламя, 1925. – 392 с.
8. *Ляцкий Е. А.* Русь страждущая. Стихи народные о любви и скорби. Венец многоцветный / Е. А. Ляцкий. – Стокгольм : Северные огни, 1920. – 176 с.
9. *Ляцкий Е. А.* Тундра. Роман из беженской жизни : в 2 кн. / Е. А. Ляцкий. – Прага : Пламя, 1925.
10. *Поспишил И.* Архитектоника пространства и времени (Общие места в поэтике очерков К. Д. Бальмонта „Где мой дом”) / Иво Поспишил // К. Бальмонт и мировая литература : сборник научных статей Международной конференции (2–4 октября 1994 г.). – Шуя, 1994. – С. 14–21.

11. *Поспишил И.* Вдохновляющая литературоведческая концепция Евгения Ляцкого / И. Поспишил, М. Зеленка // *Славяноведение*. – 1998. – № 4. – С. 52–59.
12. *Поспишил И.* Россия и Центральная Европа с особым учетом чешско-русских литературных связей / Иво Поспишил // *Универсалии русской литературы. 2 : сборник статей / ред. А. А. Фаустов*. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2010. – С. 606–628.
13. *Поспишил И.* Феномен связи литературоведения и литературного творчества: Евгений Ляцкий и Евгений Водолазкин на контекстуальном фоне / И. Поспишил // *Универсалии русской литературы*, 2015 (в печати).
14. *Lackij E.* Klasikové ruské literatury / E. Lackij. – Praha : Melantrich, 1930. – 285 s.
15. *Lackij E.* Literatura Rosyjska. Zarys / E. Lackij. – Warszawa : Nakładem księgarni F. Hoiesicka, 1930. – 348 s.
16. *Ljackij E.* Historický přehled ruské literatury. Část I. Staré ruské písemnictví (XI.–XVII. století) / E. Ljackij. – Praha : Orbis, 1937. – 400 s.
17. *Ljackij E.* Praktická učebnice jazyka ruského / E. Ljackij, E. Smetánka. – Praha : Vesmír, 1936. – 310 s.
18. *Pospíšil I.* Existence, struktura, rozpětí a transcendence staroruské literatury / Ivo Pospíšil // *Slavica Litteraria*. – Brno : Masarykova univerzita, 1998. – Roč. 1. – X 1. – S. 27–37.
19. *Pospíšil I.* Genologie a proměny literatury / Ivo Pospíšil. – Brno : Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, 1998. – 154 s.
20. *Pospíšil I.* K teorii ruské literatury a jejím souvislostem / Ivo Pospíšil. – Brno : Masarykova univerzita, 2013. – 271 s.
21. *Pospíšil I.* Paradoxes of Genre Evolution: the 19th-Century Russian Novel / Ivo Pospíšil // *Zagadnienia rodzajów literackich*. – Łódź, 1999. – Tom XLII. – Zeszyt 1–2 (83–84). – S. 25–47.
22. *Pospíšil I.* Pátrání po nové identitě. Rusistické a vztahové reflexe / Ivo Pospíšil. – Brno : SvN Regiony, 2008. – 273 s.
23. *Pospíšil I.* Pozapomenutý text: Historický přehled ruské literatury Evžena Ljackého / I. Pospíšil, M. Zelenka // *Biele miesta II*. – Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa, 1998. – S. 93–109.
24. *Pospíšil I.* Problémy literární evoluce a slovanské literatury / Ivo Pospíšil // *Bohemica Litteraria : Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*. – 2005. – Vol. 8. – S. 91–101.
25. *Pospíšil I.* Rasanzen und Feingefühl: Zum Phänomen Mitteleuropa in der Zwischenkriegszeit / Ivo Pospíšil // *Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures: Central Europe* / ed. Ivo Pospíšil. – Brno : Masarykova univerzita, 2002. – S. 265–278.
26. *Pospíšil I.* Razance a citlivost: K fenoménu Střední Evropy v meziválečném období (tři vybraná vota separata k brněnské habilitaci Romana Jakobsona) / Ivo Pospíšil // *Slovensko-české vztahy a súvislosti : (zborník prác z*

- medzinárodnej vedeckej konferencie) / ved. red. Jozef Hvišč. – Bratislava : T.R.I.MÉDIUM, 2000. – S. 49–60.
27. *Pospíšil I.* Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátků k výhledu do současnosti / Ivo Pospíšil. – Brno : Nadace Universitas ; CERM ; NAUMA, 2005. – 209 s.
28. *Szykowski M.* Polská účast v českém národním obrození / Marian Szykowski. – Praha : Slovanský ústav, 1931. – Vol. I. – 508 s.
29. *Szykowski M.* Polská účast v českém národním obrození / Marian Szykowski. – Praha : Slovanský ústav, 1935. – Vol. II. – 679 s.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КВИНТЭССЕНЦИЯ ПРАЖСКОГО ЭМИГРАНТСКОГО ОПЫТА В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ЛЯЦКОГО „ТУНДРА”

Иво Поспишил

ivo.pospisil@phil.muni.cz

Доктор, профессор

Заведующий Институтот славистики

Философский факультет, Университет имени Масарика

Arna Nováka 1, 602 00, Brno, Czech Republic

Аннотация. Рассматривается один из первых образцов описания трагического уклада жизни эмигрантской среды в Праге послереволюционных лет „Тундра. Роман из беженской жизни” (1925). Автор, Евгений Ляцкий (1868–1942), был писателем белорусского происхождения, филологом, знатоком восточнославянских языков, одной из ключевых фигур русской пражской эмиграции. Известен еще в дореволюционной России своей разнообразной научно-просветительской и издательской деятельностью – как издатель журнала „Огни”, исследователь творчества И. А. Гончарова, а также эпистолярного наследия отдельных писателей-разночинцев. Е. Ляцкий принимал активное участие в жизни пражской русской эмиграции, писал поэзию и прозу, составлял литературные антологии, был автором и соавтором учебников русского языка на широкой базе. Показано, что роман по своей структуре и поэтике связан с классической традицией русской прозы второй половины XIX века, однако присутствуют и наработки поэтики русского модернизма (гетерогенность текста, усложненность сюжета, внедрение публицистики в романную ткань, агрессивное обогащение словаря). На уровне художественной речи традиция функционально обогащена новыми лексическими пластами. Сделан вывод, что „Тундра” является своеобразным трагедийным романом о конце старой России.

Ключевые слова: Евгений Ляцкий, пражская эмиграция, классическое письмо, модернизм, ностальгия, „Тундра”.

ART QUINTESSENCE OF PRAGUE EMIGRANT’S EXPERIENCE IN NOVEL “TUNDRA” BY EUGENE LIATSKY

Ivo Pospíšil

ivo.pospisil@phil.muni.cz

Professor, Philosophiae doctor, Doctor of Science

Head of the Institute of Slavonic Studies

Faculty of Arts of Masaryk University

Arna Nováka 1, 602 00, Brno, Czech Republic

Abstract. The article treats one of the first samples of description of a tragical way of life of the emigrant environment in Prague post-revolutionary years: “Tundra. A Novel from Refugee Life” (1925). The author, Eugene Liatsky (1868–1942), was a writer of Belarus origin, a philologist, the expert of the eastern Slavic languages, one of key figures of Russian Prague emigration. He was known yet in pre-revolutionary Russia by his varied scientific, educational and publishing activity: as the publisher of magazine “Fires”, the researcher of I. Goncharov’s work, as well as of epistolary heritage of separate *raznochinetz* writers. E. Liatsky participated in Prague Russian emigration’s life, wrote poetry and prose, arranged literary anthologies, was the author and the co-author of Russian textbooks on wide base. The novel by its structure and poetics is connected with classical tradition of Russian prose of the second half of the 19th century; however there are also poetics groundworks of Russian modernism (heterogeneity of the text, complicatedness of a plot, introduction of publicism in a novelistic substance, aggressive enrichment of the dictionary). On art speech level the tradition is enriched functionally with new lexical layers. “Tundra” is original tragic novel about the end of old Russia.

Keywords: Eugene Liatsky, Prague emigration, classical writing, modernism, nostalgia, “Tundra”.

References

1. Ljackij E. *Goncharov. Zhizn', lichnost', tvorchestvo : Kritiko-biograficheskie ocherki* [Life, Personality, Work : Critical and Biographical Essays]. Stockholm, 1920, 377 p. (in Russian).
2. Ljackij E. *Goncharov. Zhizn', lichnost', tvorchestvo : Kritiko-biograficheskie ocherki* [Goncharov. Life, Personality, Work : Critical and Biographical Essays]. Saint Petersburg, 1912, 324 p. (in Russian).
3. Ljackij E. Dva mira v priemakh izobrazitel'nosti L. N. Tolstogo [Two Worlds in Art Techniques of L. Tolstoy]. In: *Sbornik Russkogo instituta v Prage*. Praha, 1929, vol. 1, pp. 119–144. (in Russian).
4. Ljackij E. *Ivan Aleksandrovich Goncharov : Kriticheskie ocherki* [Ivan Aleksandrovich Goncharov : Critical Essays]. Saint Petersburg, 1904, 269 p. (in Russian).
5. Ljackij E. *Materialy dlia izucheniiia tvorchestva i byta belorussov. T. I. Poslovitsy, pogovorki, zagadki* [Materials for Life and Wirk Studies of

- Belorussian. Vol. I. Proverbs, Sayings and Riddles]. Moscow, 1898, 63 p. (in Russian).
6. Ljackij E. Pushkin-povestvovatel' v Istorii pugachevskogo bunta [Pushkin-narrator in the History of Pugachev's Rebellion]. *Pushkinskii sbornik*. Praha, 1929, pp. 265–296. (in Russian).
  7. Ljackij E. *Roman i zhizn' : Razvitie tvorcheskoi lichnosti I. A. Goncharova : Zhizn' i byt : (1812–1857)* [Novel and Life : Development of Creative Personality of I. Goncharov : Life and Way of Life : (1812–1857)]. Praha, 1925, 392 p. (in Russian).
  8. Ljackij E. *Rus' strazhdushchaia. Stikhi narodnye o liubvi i skorbi. Venets mnogotsvetnyi* [Suffering Russia. Folk Poetry about Love and Sorrow. Multicoloured Wreath]. Stockholm, 1920, 176 p. (in Russian).
  9. Ljackij E. *Tundra. Roman iz bezhenskoj zhizni* [Tundra. A Novel from Refugee Life]. Praha, 1925 vols. 1–2. (in Russian).
  10. Pospíšil I. Arkhitektonika prostranstva i vremeni (Obshchie mesta v poetike ocherkov K. D. Bal'monta "Gde moi dom") [Architectonics of Space and Time (General Spots in Essay's Poetics of C. Balmont "Where is My Home")]. In: *K. Bal'mont i mirovaia literatura*. Shuya, 1994, pp. 14–21.
  11. Pospíšil I., Zelenka M. Vdokhnovliaiushchaia literaturovedcheskaia kontseptsiiia Evgeniia Liatskogo [Inspiring Literary Conception of Eugene Liatsky]. *Slavianovedenie*, 1998, no. 4, pp. 52–59.
  12. Pospíšil I. Rossiia i Tsentral'naia Evropa s osobym uchetom cheshsko-russkikh literaturnykh svyazei [Russia and Central Europe in Special View of Czech-Russian Literary Relations]. In: *Universalii russkoi literatury*. 2. Voronezh, 2010, pp. 606–628.
  13. Pospíšil I. Fenomen svyazi literaturovedeniia i literaturnogo tvorchestva: Evgenii Liatskii i Evgenii Vodolazkin na kontekstual'nom fone [Phenomenon of Connection of Literary Criticism and Literary Creation : Eugene Liatsky and Eugene Vodolazky against a Contextual Background]. In: *Universalii russkoi literatury*, 2015 (in print).

Suggested citation

Pospíšil I. Evgenii Liatskii i ego roman "Tundra" kak khudozhestvennaia kvintessentsiia prazhskogo emigrantskogo opyta [Art Quintessence of Prague Emigrant's Experience in Novel "Tundra" by Eugene Liatsky]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2015, no. 91, pp. 98–109. (in Russian).

Стаття прийнята до друку 26.11.2015 р.